

*Н. Б. Леонова*¹

КАМЕННОБАЛКОВСКАЯ КУЛЬТУРА — ОДИН ИЗ ОПОРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

N. B. Leonova. The Kamennobalkovskaja culture — one of the reference sites of Upper Paleolithic in the northern part of the Black Sea region.

The complex of the Upper Paleolithic sites Kamennaya Balka is located on the high right bank of the river Don valley's mouth and presents a typical example of open sites. This group of sites belonging to the same archaeological culture, mentioned in specialized literature as Kamennobalkovskaya. In this short article their main delineations and possibilities for researching of all material were described.

Due to more than 50 years of detailed archeological research large areas of settlements were studied and vast archeological data were gathered, that allows to reconstruct various aspects of ancient population's life. Owing to complex scientific research being constantly carried out on the sites the basis for different paleoecological reconstruction was formed.

These sites reflect the transformation of the same cultural tradition during quite a lengthy period of time. That is very important to understand how the adaptation to constantly changing living conditions was formed and developed. So, Kamennobalkovskaya culture sites nevertheless provided completely unusually vast quantity of the various valuable data that allowed to realize an attempt to simulate the systems of subsistence practices in Upper Paleolithic on Northern coast of Azov Sea and nearest areas.

Верхнепалеолитические стоянки каменнобалковской культуры, расположенные в балке Каменной (правобережье Дона, близ его устья) хорошо известны в специальной литературе благодаря тому, что они изучаются уже более 50 лет и сопровождаются многолетними и широкими комплексными естественно-научными исследованиями.

Эти памятники — стоянки Каменная Балка I, II и Третий Мыс (Каменная Балка III) были открыты в 1957 г. и исследовались М.Д. Гвоздовер с 1958 по 1972 г. (археологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ) и являются базовыми стоян-

ками. Дальнейшие исследования продолжались Донской экспедицией МГУ с 1978 г. и длятся до сих пор. Стоянка Третий Мыс исследуется археологической экспедицией Государственного исторического музея с 1990 г.

Кроме них на бортах Каменной балки обнаружено шесть местонахождений и небольших стоянок, изучение которых планируется в будущем. Четыре таких местонахождения и известная стоянка Каменецкого (с несохранившимся культурным слоем, но богатая инвентарем) расположены неподалеку в русле балки Донской Чулек. В долине реки Мокрый Чалтырь, в 10 км к востоку от балки Каменной, исследована Мокрочалтырская стоянка, обладающая сходным инвентарем, представля-

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

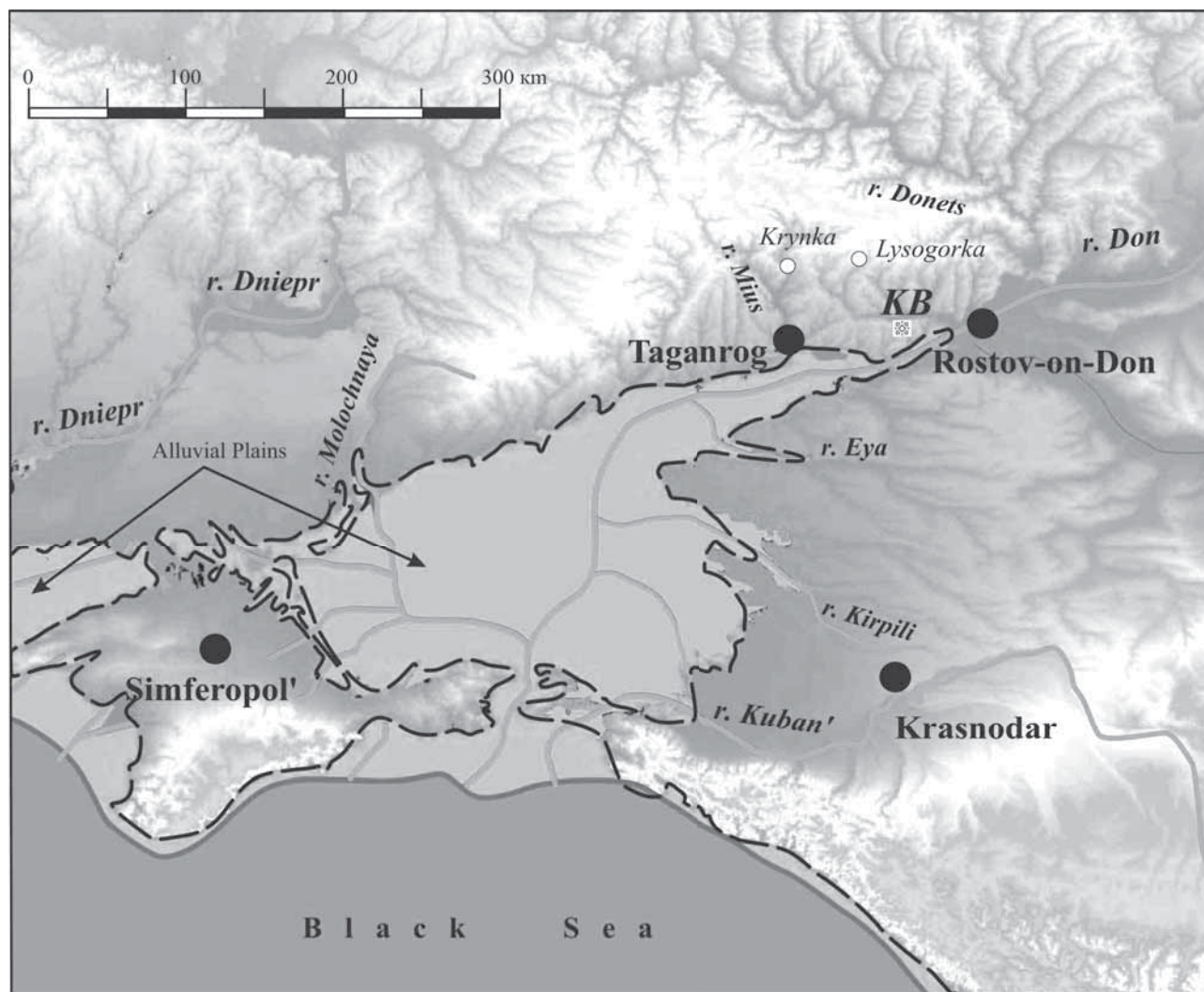

Рис. 1. Палеогеографическая ситуация в Причерноморье во время максимальной регрессии в конце позднего плейстоцена (около 17 000 лет т.н.) (по: Алексеев, Чистяков, Щербаков, 1986)

1. - - - - современная береговая линия и речная система;
2. ————— древняя береговая линия и речная система
3. KB — стоянки Каменной Балки

вшая, по-видимому, небольшой охотничий лагерь (Леонова и др., 2006) (рис. 1, 3).

Каменная Балка I — однослойный памятник, на котором располагались две жилые площадки, существовавшие в разное время. Раскопан полностью. Площадь около 500 м². Абсолютная дата 14 670 ± 105, калиброванная — 16 038 ± 382.

Каменная Балка II — интересный, трехслойный памятник, где на верхнем (первом) и среднем (даты в интервале 14 557–16 643 л.н., после калибровки

дат — 17 100–17 300 л.н.) культурных слоях раскопано около 2000 м² сплошной площадью. Нижний (третий) слой простирается на значительно меньшую площадь — около 150–200 м². Абсолютные даты пока ожидаются.

Третий Мыс (Каменная Балка III) — трехслойный памятник. Средний (второй) культурный слой (13 400–13 700 л.н.) наиболее мощный и имеет наибольшую раскопанную площадь — около 450 м². Верхний (первый) культурный слой,

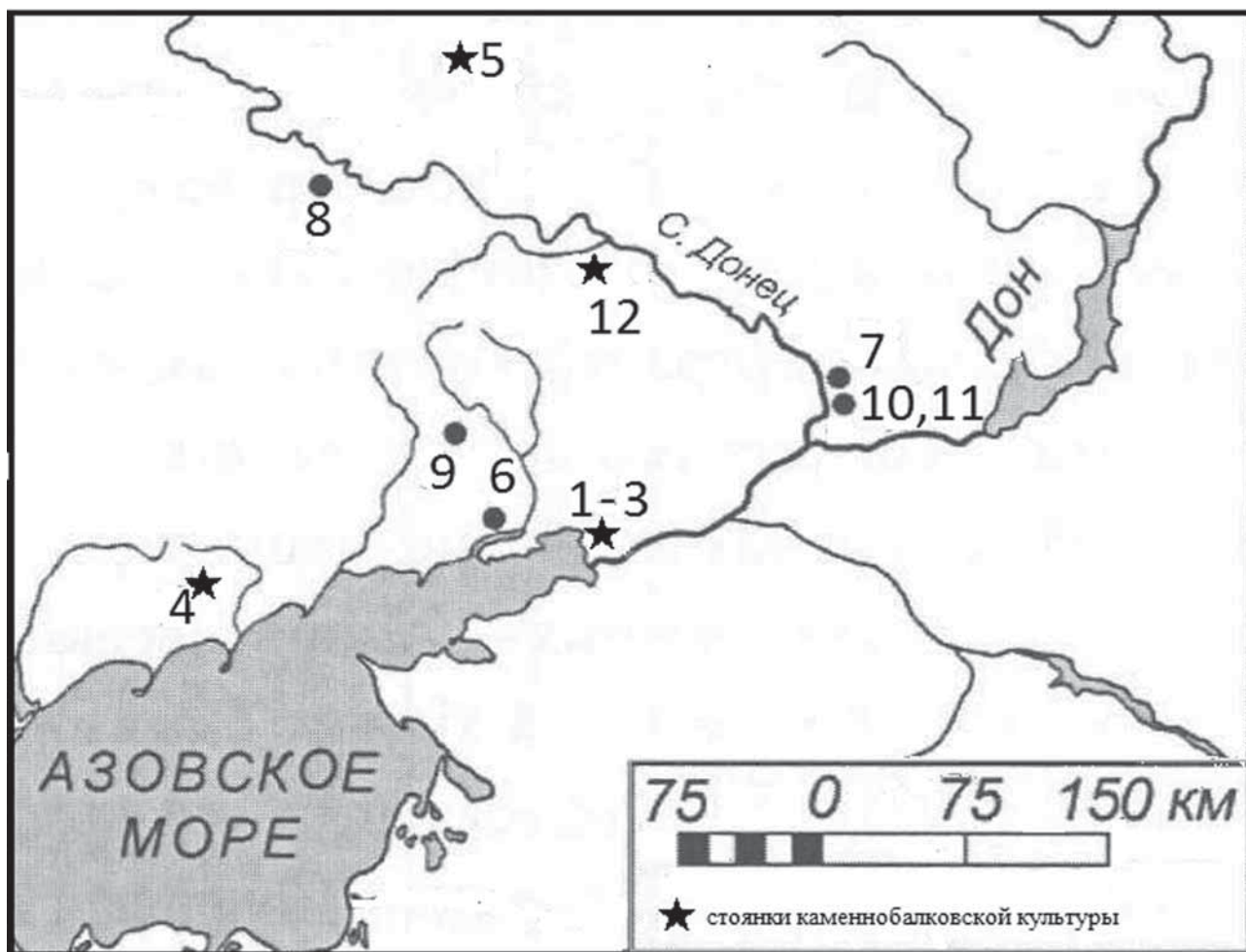

Рис. 2. Карта распространения памятников верхнего палеолита в Приазовье.

1. Каменная Балка I; 2. Каменная Балка II; 3. Каменная Балка III; 4. Федоровка; 5. Ямы; 6. Мураловка; 7. Золотовка I; 8. Яр; 9. Амвросиевка; 10. Бирючья балка 2; 11. Бирючья балка 1а; 12. Говоруха

скорее всего, представляет собой охотничий лагерь.

Уже в начальные годы исследований М.Д. Гвоздовер отметила своеобразие их инвентарей, а в последующие годы очень убедительно выделила каменнобалковскую культуру, выделив особенности ее материалов наряду с необычайным сходством многих категорий и техники расщепления с материалами памятников имеретинской культуры в Грузии (Гвоздовер, 1964; 1967). Дальнейшее исследование этих памятников показало ее правоту. На гораздо более широких и объемных материалах было доказано наличие сходных черт в определенных индустриях Израиля, Переднего Востока

и Закавказья и Северного Кавказа (Амирханов, 1977; 1995; Леонова и др., 2006; Дороничева, 2013).

В настоящее время очень сильно увеличившиеся коллекции памятников (следует заметить, что для основного (второго) слоя Каменной Балки II сейчас известно 10 000 орудий, а основной материал включает несколько сотен тысяч предметов) показывают, что основные типологические характеристики, выделенные М.Д. Гвоздовер, справедливы. Естественно, что каждый этап существования культуры имеет собственные особенности и отличия, но основные тенденции остаются в силе (Виноградова, 2014; Медведев, 2014; Хайкунова, 2014).

— наличие датированных или коррелятивных аналогов всех подразделений общей шкалы верхнего неоплейстоцена Восточной Европы;

— присутствие практически единственного в Северном Приазовье фаунистически датированного обнажения карангадской лиманно-морской террасы;

— палинологическая датировка всех аналогов подразделений вюрмского оледенения;

— полноценный палеозоологический анализ (на макро- и микроуровне) фаунистических материалов стоянок.

— археологическая и абсолютная датировка поздневалдайских отложений.

Реконструкции систем природопользования и жизнеобеспечения, как правило, должны сопровождаться целым рядом вспомогательных разномасштабных и многоцелевых дополнительных реконструкций. Наиболее типичными из них можно считать составление представлений о растительности, животном мире, способах охоты, видах собирательства, характере хозяйственной деятельности и соответствующих ему территориях.

Место обитания древних обитателей Каменной Балки — правый берег древнего пруда, широкой долины, в которую было глубоко врезано его русло, что произошло во время Антского регрессивного этапа, когда уровень Черного моря был более чем на 80 м ниже современного. Естественно, что Азовского моря тогда не существовало, а Дон интенсивно врезался в бывшее морское ложе (см. рис. 1).

Время накопления палеовой пачки суглинков, содержащей основной культурный слой стоянки Каменная Балка II, в значительной степени отвечает Мстинскому интерстадиалу, который начался примерно 16–15 000 лет т.н., что соответствует абсолютным датам, полученным на материалах второго культурного слоя. Соответственно датируются и подстилающие красно-коричневые и покрывающие эту пачку суглинки. Очень подробно этот материал рассмотрен и иллюстрирован в недавно опубликованной статье (Леонова et al, 2015, p. 175–187) и в уже упоминавшейся монографии (Леонова и др., 2006).

Таким образом, стоянки Каменной Балки возвышались над руслом Дона на 50–60 м (современ-

ная высота — 35 м), поэтому оттуда открывался прекрасный обзор прилегающих с юга и юго-востока террасовых и пойменных равнин. Вполне вероятно, что это обстоятельство играло не последнюю роль в выборе места для базовых стоянок. Кроме того, наличие обширных возвышенных равнин по обоим бортам балки и ее облесенной долины позволяет предположить возможность существования разнообразных вариантов для охотничьей и собирательской деятельности.

Очень важный вопрос для существования любого поселения — наличие источников воды. Судя по проведенным исследованиям палеогеоморфологии района, водоток постоянно проходил в основном русле балки Каменной, но кроме него, по-видимому, были обводнены и правобережные притоки балки — овраги Большой и Водопадный, которые находились не далее, чем в 300–500 м от стоянок. Таким образом, можно говорить о том, что источники воды постоянно были в непосредственной близости.

Палеоландшафтная реконструкция для времени формирования основного слоя достаточно сложна (Леонова, 2006, с. 275–277), однако общая характеристика, полученная на основании большой серии палинологических и палеопедологических анализов (Леонова и др., 2006, с. 85–118; Спиридонова, 1991), говорит о том, что периоды обитания были достаточно теплыми. Преобладали или были существенно распространены островные сосновые и березовые леса, в состав которых входили и широколиственные породы; обычны зеленые и сфагновые мхи и, реже, папоротники. Следует учесть, что при значительной облесенности в состав травянистой растительности входят разнообразные виды растений влажных лугов. Кроме того, широко представлены прибрежно-водные растения и водоросли типа *Pediastrum*, что свидетельствует о существовании небольших временных водоемов и луж. Принимая во внимание видовой состав трав (присутствие полыней и маревых наряду с различным мезофильным разнотравьем и злаками), можно говорить о том, что некоторая часть территорий была покрыта травянисто-кустарничковыми группировками различного состава. Разнообразие растительных группировок определялось характером

рельефа территории — можно с уверенностью предполагать, что обитатели стоянки жили в окружении перелесков и лугов.

С подобной палеореконструкцией растительности вполне сочетается разработанная на палеопедологических материалах реконструкция формирования пионерных степных почв (Леонова и др., 2006, с. 85–100).

Такой ландшафт и характер растительного покрова представляли хорошую кормовую базу для животных, а также для собирательской деятельности людей. О наличии собирательства косвенно свидетельствуют многочисленные находки терочных плиток, характерных для памятников каменнобалковской культуры.

При обилии в ближайшем окружении стоянок древесных растений, логично предполагать, что дерево использовалось для различных бытовых и хозяйственных нужд, а также для создания жилых конструкций или ветровых заслонов. Это положение находит подтверждение и в данных фитолитового анализа, показывающего наличие древесных фитоцитов в очагах (Леонова и др. 2006, с. 329–332), и в недавних трасологических исследованиях, которые показали высокий процент орудий со следами износа, характерными для твердых материалов (кость, рог, дерево). Среди них выделяется группа скребков, использованных предположительно для работы по дереву (Александрова, 2010).

При моделируемом разнообразии ландшафтов животный мир был весьма разнообразен. Палеозоологические данные (определения д.г.-м.н. Э.А. Вангенгейм, к.б.н В.С. Байгушевой, к.б.н. И.В. Кирилловой, д.б.н. А.К. Агаджаняна) соответствуют предлагаемым палеоландшафтным реконструкциям, хотя и имеют определенные ограничения: так как для определений использовались только материалы культурного слоя, то учитывались не все представители животного мира, а лишь объекты охотничьей добычи. В составе промысловых животных встречены как обитатели открытых пространств — дикая широкопалая лошадь (*Equus latipus*), бизон (*Bison sp.*), северный олень (*Rangifer tarandus*), кулан/осел (*Equus sp. Hemionus*), баран (*Ovis, ovis*), обитатели лесостепных ландшафтов — заяц (*Lepus sp.*), так и лесные виды животных —

бурый медведь (*Ursus arctos*), лось (*Alces alces*), зубр (*Bison pr.*) (Леонова и др., 2006, с. 219–239).

Анализ микрофауны также подтверждает предлагаемую реконструкцию палеоландшафтов — в коллекциях представлены животные, обитающие в разных условиях: виды, преобладающие в остепненных пространствах или лугах с присутствием древесной растительности — суслик (*Spermophilus*), сурок (*Marmota bobak*), тушканчик (*Allactada*), пищуха (*Ochotona*), мелкие землерои (*Spalax, Sorex, Crocidura*). Их общий видовой состав свидетельствует об относительно теплых и мягких климатических условиях, близких к современным.

Судя по археологическим материалам, большое количество костей сурков было найдено в обожженном состоянии в заполнении очагов, что позволяет говорить о том, что это животное активно использовалось в пищу (Агаджанян, 2006).

Состав фаунистических остатков и их распределение на базовых стоянках каменнобалковской культуры показывает, что далеко не все части скелета промысловых животных представлены на них. Тщательные палеозоологические исследования показывают, что на стоянку приносились только те части, которые имели либо пищевую, либо какую-то иную ценность. Например, нижние челюсти лошади могли использоваться как основа для вкладышевых орудий, а длинные кости копытных применялись при создании строительных конструкций. На всех стоянках каменнобалковской культуры известны так называемые «ямки со вкопанными костями», которые, судя по их расположению, служили забутовками для столбов и столбиков каких-то конструкций. Часть костей служила топливом.

Исходя из вышесказанного можно с уверенностью говорить о том, что разделка охотничьей добычи происходила вне базовых стоянок. Многочисленные данные этноархеологии позволяют с определенной долей уверенности говорить о существовании специальных охотничьих мест забоя и разделки, известные археологические данные (Амвросиевское костеище, материалы по подобным памятникам палеоиндейцев) не противоречат этому положению (Frison, 1988; 1989; Todd, 1984; 1987; Leonova, Min'kov, 1988; Плохенко, 2013; 2014).

Новые методы исследования остатков охотничьей добычи позволили отчасти решить вопрос о длительности бытования памятника — проделанный анализ зубного цемента добытых животных позволяет говорить о практически круглогодичной охоте, проводившейся на стоянке. Данные анализа, методика которого подробно описана в работах Г.А. Клевезаль (Клевезаль, 1988) и который был проделан на большой выборке материала основного слоя стоянки КБ II под руководством Е.В. Леоновой, показывают, что крупные промысловые животные добывались во все годовые сезоны. Пространственное распределение их костных остатков позволяет говорить о том, что они расположены на площади стоянки достаточно равномерно (Леонова, Несмеянов, 2006, с. 239).

Район регулярного посещения включал в себя часть аллювиальной пойменной равнины палеоДона и прилегавшую к ней с севера полого-холмистую правобережную возвышенность.

Этот участок имел в плане форму, близкую к треугольной; восточное ребро этого умозрительного треугольника было субмеридиональным длиной 10–15 км и проходило по долине реки Мокрый Чалтырь, где известны тонкослойная стоянка каменнобалковской культуры (Мокрочалтырская) и два местонахождения кремневого материала. Северо-западное ребро было диагональным протяженностью 15–20 км, что соответствует правобережью балки Донской Чулек, где обнаружен ряд местонахождений кремня каменнобалковского характера, а также известная стоянка Каменецкого. Южное ребро определялось расположением глубоких протоков на пойме палеоДона. Можно предполагать, что общая площадь этой территории вряд ли превышала 150–200 км² (рис. 3).

Кроме территории регулярного посещения население Каменной Балки пользовалось ресурсами и более отдаленных областей: кремневое сырье поставлялось из долины р. Крынки, притока р. Миус, расположенной западнее на 120–150 км, и района Лысогорки в 80 км по направлению к юго-западу. Петрографический и спектральный петрографический анализ достаточно точно определил места получения кремня, из чего следует, что древние обитатели Каменной балки предприни-

мали с определенной регулярностью достаточно длительные путешествия (Леонова и др., 2006).

Таким образом, можно сказать, что территории, охватывавшиеся хозяйственной деятельностью жителей стоянок Каменной балки, были достаточно велики, но использовались с разной частотой.

Изучение памятников каменнобалковской культуры позволяет предложить следующую модель заселения этого района: базовые стоянки были расположены в низовьях балки Каменной на относительно высоком борту долины. На окружающей ее близкой территории, которая посещалась достаточно регулярно, располагалось несколько маленьких стоянок-спутников — охотничьих и/или собирательских лагерей.

Археологическое изучение культурных слоев стоянок позволяет говорить о сложной планировке поселений, наличии производственных зон и жилых площадок, вероятно, включавших легкие наземные жилища. Данные по изучению археологических источников богато иллюстрированы во всех цитируемых работах.

Жилые площадки каменнобалковской культуры, хорошо прослеженные на материалах основного слоя стоянок Каменная Балка II, Каменная Балка I, выглядят следующим образом. «Центром» такой площадки является относительно небольшой участок (20–22 м²) с насыщенным культурными остатками слоем. Этот участок имеет четкие пространственные границы, которые, скорее всего, были определены наличием ограждения, о чем зачастую свидетельствуют соответственно расположенные ямки со вкопанными костями, которые могли служить укрепленными упорами для центральных, как правило, расположенных у очагов и краевых столбов. По длинной оси этого участка или в его центральной части расположено несколько очагов. Вокруг очагов концентрировались насыщенные кремневым материалом участки, характеризующиеся интенсивным использованием разных групп орудий, хотя встречаются и очаги, вокруг которых группируются лишь кухонные отбросы. Судя по проведенному анализу включенных в слой аминокислот и белков, здесь происходили действия по разделке и употреблению мясных продуктов или продуктов, содержащих белок.

Можно с уверенностью предполагать, что такое овальное скопление культурных остатков представляет собой остатки наземного жилища. Состав расщепленного кремня на таком скоплении богат орудиями и мелкими отходами производства, в то время как продукты первичного расщепления представлены, как правило, в значительно меньшем объеме.

В непосредственной близости от такого объекта (жилища) обычно располагалось несколько специализированных производственных центров, на которых происходила разнообразная работа, связанная с подготовкой и расщеплением нуклеуса, изготовлением и использованием различных орудий. Эти производственные центры невелики по площади, но очень насыщены расщепленным кремнем. Расстояние, разделяющее жилище и сопутствующие производственные центры, невелико, оно колеблется от 2 до 8–10 м. Таким образом, вся «жилая площадка», включающая жилище и его «округу, подворье», невелика и не превышает 80–100 м². Данные ремонта показывают тесные связи, объединяющие производственные центры как между собой, так и с прилегающими участками в жилище (Виноградова, 2000; 2009; Леонова, 2009).

Жилые площадки более позднего этапа существования культуры изменяются, что показывают материалы верхнего слоя стоянки Третий Мыс (Хайкунова, 2006; 2007).

Количество жилых площадок, существовавших одновременно, позволяет говорить о численности жителей поселения в определенный момент его существования. Для второго слоя стоянки Каменная Балка II мы можем с большой степенью уверенности говорить о единовременном существовании пяти-шести жилых площадок, на которых, вероятно, могло проживать около 50–60 человек. Одновременность этих объектов в полной мере подтверждается данными ремонта.

Работы по ремонту кремневых находок стоянки позволили выявить более 2000 подбирающихся фрагментов, несмотря на то что кремень основного слоя Каменной Балки II представляет собой довольно сложный материал для применения аппликативного метода. Сложность операций по

ремонту объясняется прежде всего огромным количеством находок и их небольшим размером. Обитателя стоянки чрезвычайно экономно использовали принесенное издалека кремневое сырье. Об этом свидетельствует большое количество практически полностью сработанных нуклеусов и мелкий размер дебитажа. Микропластинки, мелкие отщепы и осколки в среднем составляют более 70% всех находок. Предметы, дорсальная или вентральная стороны которых размером менее 1,5 см, практически непригодны для ремонта.

Всего в результате долговременных работ по ремонту было выявлено около 700 связей (некоторые предметы состояли из трех и более фрагментов).

Большинство подбиравшихся предметов находились недалеко друг от друга, обычно на расстоянии 20–40 см. Вероятно, они появились в результате определенной производственной деятельности практически одновременно и остались на месте в качестве отходов производства или неиспользованного материала. Среди различных категорий кремня, использованных при ремонте, большую часть составляли первичные сколы и пластинчатые формы. Возможно, это объясняется тем, что пластины и отщепы с коркой, как правило, при изготовлении нуклеуса оставались на местах, а сломанные заготовки были оставлены на месте изготовления орудий. И те и другие категории представляют собой отходы определенных циклов расщепления (Леонова и др., 2006, илл.: 8.34, 8.41, 8.46, 8.47).

Более далекие связи (между жилыми площадками и производственными комплексами) указывают на то, что нередко предметы переносились от одного рабочего места к другому и уже там использовались по назначению.

Анализ ремонта кремневых фрагментов в зависимости от их удаленности друг от друга позволил не только выявить последовательность производственных операций, но и «географию» этих операций в рамках территории стоянки, указав на несомненные связи между некоторыми жилыми площадками (Леонова и др., 2006, с. 201, 203, 209).

Как уже говорилось выше, культурные слои базовых стоянок очень богаты разнообразными структурными элементами — скоплениями камен-

ного и костного материала разной площади, очагами и зольными пятнами и пр. Здесь можно выделять самые разные участки — по степени насыщенности, по однородности или разнородности материала. Все это в целом указывает на разнообразную хозяйственную деятельность, проходившую на поселениях. В некоторых случаях ее интерпретация может быть достаточно ясна, в других — нуждается в дополнительном анализе.

Анализ микродебитажа, полученного в результате промывки вмещающей культурный слой породы, и его сравнение с находками, полученными обычным путем, подтверждают активность и разнообразие хозяйственной деятельности на стоянках (Хамакава, 2009). Работы в этом направлении были начаты и ведутся на КБ II, но мы планируем их расширение.

По всей площади стоянки, раскопанной с 1982 по 2009 г., суммарное количество микродебитажа составляет приблизительно 400 000 предметов. Наиболее насыщенная находками часть раскопов содержит более 6000 мельчайших кремневых предметов на 1 м², в их числе осколки, чешуйки, обломки микропластинок, микрорезцовые сколы. Как правило, микродебитаж концентрируется там, где расположены скопления культурных остатков. На общих планах находок существует очевидная связь между его распределением и скоплениями кремневых находок.

Общепризнанно, что микродебитаж является чаще всего продуктом изготовления, использования, подправки изделий после их утилизации, и нет никаких сомнений в том, что какая-то деятельность древних людей происходила в тех местах, где выделена его концентрация. Результаты специального исследования по использованию материалов микродебитажа (Хамакава, 2009) позволяют говорить о том, что, несмотря на все многообразие различной производственной деятельности, происходившей на стоянке, можно выделить общую тенденцию — все производственные операции происходили, как правило, в одном месте. То есть весь цикл производства — от приготовления нуклеуса и получения заготовок до изготовления орудий — не был разделен, а, напротив, был локализован на очень небольшом по площади участке.

Планиграфический анализ, показывающий сочетание разных видов микродебитажа, таких как чешуйки, фрагменты микропластинок, резцовые отщепки, с другими находками, позволяет выделить конкретные места ряда трудовых операций и определить функциональную характеристику участка более точно, что помогает при построении модели хозяйственной планировки стоянки. Например, когда прослеживается сочетание скопления осколков с продуктами первичного расщепления, то следует предположить, что здесь происходила деятельность по оформлению нуклеуса и/или получению заготовок.

Большие скопления с повышенным содержанием чешуек чаще всего сочетаются с большим числом заготовок и мелкими отходами производства. Этот факт позволяет без сомнения говорить о том, что эти скопления в основном образуются в результате производства каких-то изделий. В том случае, когда скопление микродебитажа не сочетается с находками орудий, можно предположить, что это место служило для изготовления орудий, но они сами могли быть унесены в другие места для дальнейшего использования (Хамакава, 2009, рис. 6, 7).

Если же небольшие скопления микродебитажа сопровождаются орудиями и костными остатками (в том случае, когда типы орудий и их состав связан с обработкой кости), то можно считать, что здесь могли изготавливаться орудия и происходить определенная обработка кости, например изготовление вкладышевых орудий, рукояток и т.п.

Совсем недавно практически впервые в практике палеолитоведения были проведены трасологические исследования материалов микродебитажа, которые дают достоверные свидетельства об осуществлении подправки рабочей части орудий (Александрова, Хамакава, 2011). Трасологическому анализу подверглись более 50 000 предметов с участка, раскопанного с 2006 по 2009 г. В результате было выделено приблизительно 300 чешуек со следами сработанности. Как правило, износ рабочего лезвия, оставшегося на проксимальном конце чешуек, выражен довольно сильно и часто наблюдается без микроскопа. Характер износа на чешуйках позволяет с большой осторожностью предположить использование орудий, с которых

они были сняты, для работы в основном по шкуре и твердым материалам. Приведенные результаты позволяют думать, что на поселении производилось «оживление» сработанных лезвий орудий и повторно использовались одни и те же орудия. Вместе с тем наличие мелких орудий, например коротких скребков, объясняется тем, что их размеры уменьшались в процессе многократного ретуширования, что можно рассматривать как тактику экономии сырья ввиду отсутствия местного источника его добычи.

Вышесказанное позволяет с уверенностью говорить об интенсивной и разнообразной хозяйственной деятельности, происходившей на базовой стоянке, косвенно подтверждая стабильный образ жизни ее обитателей.

Стоит добавить к этому, что на стоянке КБ II, кроме нескольких жилых площадок, существовавших одновременно, в некотором отдалении от них обнаружен объект неутилитарной деятельности. Большое скопление ярко окрашенных фаунистических остатков этого скопления резко отличается от иных костных скоплений и участков слоя. Соотношение частей скелета в комплексе (здесь представлены остатки десяти особей бизона и двух особей дикой лошади) показывают высокую степень сортировки материала. Например, нигде на памятнике не встречена столь высокая доля нижних челюстей и передних конечностей бизона, также нигде так полно не представлены все части скелета. Следовательно, кости в скоплении были специально отобраны в результате целенаправленной

деятельности. Представляется, что по своему характеру эта деятельность была весьма специфичной и отличалась от тех трудовых операций, свидетельства которых мы находим в материале других объектов. То есть можно сказать, что кроме обычной хозяйственной деятельности здесь производились и какие-то «ритуальные» действия (Леонова и др., 2006, с. 153–157; Миньков, 2001). Все это вместе свидетельствует о сложном устройстве жизни на базовой стоянке верхнепалеолитического времени.

Подводя итоги, можно сказать, что, судя по мощности культурных слоев, сложности планировки, многочисленности каменного инвентаря при отсутствии поблизости выходов каменного сырья, количеству фаунистических остатков, которые, согласно данным анализа зубного цемента, добывались в течение календарного года, наличию терочных плиток для использования растительных пищевых ресурсов, мы имеем основания говорить о достаточно оседлом и стабильном существовании людей в этом районе. Стоит добавить, что временной интервал заселения этого района носителями каменнобалковской культур велик — с 20–21 до 12–13 тыс. лет т.н., что говорит об устойчивости и разнообразии культурных адаптаций человека к окружающим его природным условиям.

Все это позволяет считать, что на современном уровне исследованности региона памятники каменнобалковской культуры могут считаться опорным комплексом в системе изучения памятников Северного Приазовья и Причерноморья.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агаджанян А.К. Мелкие млекопитающие основного слоя верхнепалеолитического памятника Каменная Балка II // Леонова Н.Б. и др. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Научный мир, 2006. С. 318–329.

Александрова О.И. Функционально-планиграфический анализ скребков верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (северо-восточный участок): Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ, 2010.

Алексеев М.Н., Чистяков А.Л., Щербаков Ф.А. Четвертичная геология материковых окраин. М.: Недра, 1986. 243 с.

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных

территорий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 28 с.

Амирханов Х.А. Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере голоценовых памятников Кавказа) // Археологические вести. 1995. № 4. С. 181–187.

Виноградова Е.А. Планировка верхнепалеолитических поселений: древний рельеф и хозяйственно-бытовая структура памятника // Донская археология. Ростов н/Д, 2000. № 3–4. С. 24–37.

Виноградова Е.А. Жилые площадки Каменной Балки II (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000–2007 гг. // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб., 2009. С. 202–209.

Виноградова Е.А. Характерные особенности каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (основной слой) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 36–41.

Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.: Наука. 1964. С. 37–41. (САИ. Вып. А 1-5).

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 27. С. 82–103.

Доронищева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 26 с.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 89–152. (Труды ИЭ АН СССР. Т. 16).

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 245 с.

Кротова А.А. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Восточной Украины // Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века левобережной Украины / Отв. ред. В.И. Телегин. Киев: Наукова думка, 1986. С. 6–73.

Кротова О.О. Пізньопалеолітичні мисливці азово-чорноморських степів. Київ: Видавець Олег Філкж, 2013. 420 с.

Леонова Н.Б. Жилые площадки каменнобалковской культуры // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб., 2009. С. 195–202.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Стратиграфия покровных отложений и реконструкция условий обитания древнего человека на позднепалеолитической стоянке Каменная Балка II // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 523–537.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова О.А., Воейкова О.Е., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Научный мир, 2006. 342 с.

Леонова Н.Б. Верхнепалеолитическая каменнобалковская культура Северного Причерноморья — основные проблемы и принципы выделения на современном уровне // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 88–91.

Медведев С.П. Каменный инвентарь верхнего слоя Каменной Балки II: типологическая характеристика // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 94–98.

Миньков Е.В. О культовой деятельности на стоянке КБ II // Археологический альманах. Донецк, 2001. № 10. С. 23–39.

Праслов Н.Д. Палеолитические памятники Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья и их стратиграфическое значение // Бюлл. КИЧП. 1964. № 29. С. 51–66.

Плохенко Б.Г. Изучение фаунистических остатков в этноархеологии как пример палеоэкономических реконструкций // Вестник МГУ. Сер. ХХІІІ. 2014. № 4. С. 119–130.

Плохенко Б.Г. Сравнительный анализ охотничьей деятельности на стоянках каменнобалковской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 116–120.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене (верхний палеолит — бронза). М.: Наука, 1991. 221 с.

Хайкунова Н.А. Проблема выявления жилых мест на стоянке Третий Мыс (к постановке вопроса) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов, 2006. С. 147–152.

Хайкунова Н.А. Южный участок стоянки Третий Мыс (Каменная Балка III) // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007. С. 257–278.

Хайкунова Н.А., Симоненко А.А. Третий Мыс (Каменная Балка 3) — многослойный памятник конца позднего палеолита // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 172–177.

Хамакава М. Анализ микродебитажа как основа интерпретации хозяйственной деятельности на верхнепалеолитических стоянках (северо-западный участок верхнепалеолитического памятника Каменная Балка II) // Археологические записки. Ростов н/Д, 2009. Вып. 6. С. 23–41.

Хамакава М., Александрова О.И. Опыт функционально-планиграфического анализа микродебитажа (на материалах верхнепалеолитической стоянки каменная Балка II) // Российская археология. 2011. № 3. С. 5–13.

Leonova N., Nesmeyanov S., Vinogradova E., Voeykova O. Upper Paleolithic subsistence practices in the southern Russian Plain: paleolandscapes and settlement system of Kamennaya Balka sites // Quaternary International. 2015. P. 175–187. <<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S104061821400737X>>.

Frison G.C. Paleoindian subsistence and settlement during Post-Clovis times on the Northwestern Plains, the adjacent mountains ranges, and intermountain Basins // American before Columbus: Ice-Age origins / Dep. of Anthropology, University of Pittsburgh, Pennsylvania, 1988. P. 83–106. (Ethnology Monographs. No. 12).

Frison G.C. North American High Plain Paleoindian hunting strategies and weaponry assemblages // Paper prepared for Russian-American Symposium On Upper

Paleolithic-Paleoindian relationships. University of Wyoming, Laramie, Wyoming, 1989. 21 p.

Leonova N.B., Min'kov E.V. Spatial analysis of faunal remains from Kamennaya Balka II // Journal of the anthropological archaeology. 1988. No. 7. P. 203–230.

Todd L.C. Taphonomy of the Horner II Bone Bed // Frison G.C., Todd L.C. The Horner site; The Type site of the Cody cultural complex. N.Y.: Academic Press, 1987. P. 107–198.